

Д. М. Ш А Р Ы П К И Н

СКАЗОЧНАЯ ПОВЕСТЬ В. А. ЛЁВШИНА
«О ИСПОЛИНЕ СТЕРКАТЕРЕ»

П. Н. Берков в статье «Литературные энциклопедии на русском языке»¹ высоко оценил широту и универсальность фольклористических и литературных увлечений В. А. Лёвшина. Этот весьма разносторонний и эрудированный литератор проявлял известный интерес и к скандинавской культуре — мифологии, «баснословию и дееписанию» средневекового Севера. Как и многие его современники, Лёвшин понимал, что в сагах и скальдических поэмах можно отыскать не только экзотические сюжеты и поэтические красоты; эти произведения затрагивали важные и наиболее загадочные вопросы российской истории. Каковы были отношения между древней Русью и Скандинавией? Какую роль сыграли северные викинги в процессе образования Российского государства? На вопросы эти невозможно было ответить, не обратившись к памятникам древнескандинавской литературы.

В эпоху преромантических веяний Лёвшина интересовала народная словесность и связанные с ее постижением историко-культурные и эстетические проблемы народознания. В русской литературе того времени постепенно складывался принцип обязательности художественного изображения «местного колорита», заходила ли речь об обитателях собственного отечества или самых отдаленных стран. Естественно, что особенное внимание русских читателей привлекала культура народов, населяющих сопредельные России земли, таких, по словам В. А. Лёвшина, «кои хотя все почти состоят или состояли в пределах <...> отечества, но ныне уже под другими названиями, или места их заняты обитателями и именами новыми, а старые истребились в памяти».²

В 6-й части «Русских сказок, содержащих древнейшие повествования о славных богатырях» (1780—1783) В. В. Сиповский,

¹ См.: Берков П. Н. Литературные энциклопедии на русском языке (XVIII—XIX вв.). (Библиографический обзор). — Труды Инст. книги, документа, письма, вып. III, Л., 1934, с. 15—42.

² Лёвшин В. А. Вечерние часы, или Древние сказки славян древлещских, ч. I. М., 1787, с. 4.

ошибочно приписавший эти сказки М. Д. Чулкову, встретил «Повесть о Исполине Стеркатере», сюжет которой, как заявил исследователь, взят «из скандинавской мифологии». Литературный источник этой сказки остался Сиповскому неизвестным, он писал: «Проф. Ф. А. Браун любезно помог мне в попытках определить этого Стеркатера. По его указанию, Стеркатер (Starkadr) — популярный герой скандинавского (датского) эпоса. Главный источник о нем — Саксон Грамматик (кн. 6—8) <...> Историки, на которых ссылается Чулков, точно так же все существовали <...> „Олай Великий“ — шведский историк XVI в. — Olaus Magnus <...> Понтан — датский историк J. J. Pontanus, написавший сочинение „Regum Danicorum historia“ (Amst. 1631).

Эти любопытные справки, за которые приношу свою благодарность глубокоуважаемому Ф. А. Брауну, не объясняют, однако, каким образом Стеркатер попал к Чулкову: очевидно, ни Саксона Грамматика, ни Олая, ни Понтана наш романист не читал, а, вероятно, извлек рассказ о Стеркатере из какого-нибудь „исторического труда“ XVIII-го века, или из лексиконов мифов <...> Мне не удалось открыть этого источника».³

Теперь, когда мы знаем, что «Русские сказки, содержащие древнейшие повествования», составил не Чулков, а Лёвшин,⁴ человек, несомненно более образованный, можно допустить, что составитель действительно читал, как он сам об этом сказал, «о сем Исполине <...> во сочинениях Олая Великого, Сакса и Пантана».⁵ Книжки эти имелись в библиотеке Академии наук, с ними был основательно знаком М. В. Ломоносов.⁶ Много интересного фольклорного материала Лёвшин мог бы отыскать в знаменитой латинской хронике Саксона Грамматика (1140—1208) «История датчан» («Danorum historiae libri XVI...», Hafniae, 1514). Не менее содержательен и труд шведского епископа Олауса Магнуса «История северных народов» («Historia de gentibus septentriona-

³ Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа, т. I, вып. 1 (XVIII век). СПб., 1909, с. 229; о Стеркатере см.: Веселовский А. Wisinnus Саксона Грамматика и Соловей Разбойник. — Журнал Министерства народного просвещения, ч. ССXLII, 1885, ноябрь, с. 196—198. — На русский язык переведена также драма датского писателя Адама Эленшлегера «Старкотер» (пер. Б. Дерикера: Библиотека для чтения, т. 41, 1840, с. 35—146, отд. «Русская словесность»).

⁴ См.: Шкловский В. Чулков и Лёвшин. Л., 1933, с. 148.

⁵ [Лёвшин В. А.] Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие, оставшиеся, чрез пересказывания, в памяти приключения. М., 1780—1783, ч. 6, с. 73. — По словам М. К. Азадовского, «первые русские собиратели и исследователи фольклора были вполне в курсе всего, что происходило в этой области в западноевропейской литературе. Они были прекрасно знакомы со всеми классическими трудами ранних европейских фольклористов и ученых, в той или иной мере выдвигавших проблемы фольклора: им были известны и Перси, и Гердер, и немецкие романтики, и Нибур, и деятели молодой исторической школы во Франции» (Азадовский М. К. История русской фольклористики. Ч. I. М., 1958, с. 26).

⁶ См.: Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова. М.—Л., 1961.

libus», Romae, 1555), оказавший влияние на историографию и художественную литературу барокко в европейских странах.

Но вероятнее всего, что Лёвшин не прибегал к этим сочинениям. Все, что ему нужно было знать о скандинавском исполине, русский фольклорист имел возможность почерпнуть в «Истории Государства Дании» знаменитого датского просветителя, писателя и ученого Людвиг Гольберга, широко известного в России комедиографа, баснописца и романиста-сатирика. Историю эту («Danmarks Riges Historiae». 1—3, Kjøbenhavn, 1732—1735; существовало и несколько немецких ее переводов), в которой Гольберг обобщил и систематизировал большое количество фактических данных о древнем периоде жизни его родины, перевел на русский язык Я. П. Козельский.⁷ В предисловии переводчик всячески рекомендовал Гольберга как прекрасного историка, который сообщаемые им сведения «собрал <...> из многих датских и других писателей и с прилежным испытанием их верности привел в одно сочинение».⁸

Подобно русским просветителям, историографам и публицистам антинорманистского толка (и Лёвшину в том числе), Гольберг, осуждая воинственную агрессивность варягов, «норманских дел не полагал за наилучшее украшение датской истории».⁹ Гольберг не одобрял простонародные «суеверия» и «баснословия», но не погнушался рассказать о них. Он подчеркивал, «что не все Саксоновы басни презирать должно, что многие из них <...> так же важны быть могут, как греческие и египетские басни».¹⁰ В «Истории Датской» имеются выдержки и из Олауса Магнуса и Понтана, на которых ссылался В. А. Лёвшин.

Русский фольклорист пересказал многое из того, что датский историк написал о «славном бойце Штерк Оддере, или, по объявлению других, Штарк Атере, о коего храбрых делах почти не вероятное объявляют».¹¹ У Гольберга этот герой «будто бы <...> изжил век против трех человек»,¹² а у Лёвшина Стерктер «жил на свете 309 лет».¹³ Вот как Гольберг рисует жестокую битву между войсками датского короля Гаральда Гильдетанда и шведского короля Ринга: «Сражение происходило с великою жестокостию пока на конец Датчане с своим королем и генералом были побиты <...> Саксон говорит, что славной герой и притом стихотворец Штерк Оддер был на сей баталлии <...> но кажется, что о сем датском Штерке Оддере то же должно думать, что и

⁷ История Датская, сочиненная господином Голбергом, которую сократил и приписал к ней свои примечания артиллерии капитан Яков Козельский. Части I—II. СПб., 1765.

⁸ Там же, ч. I, с. 1.

⁹ Там же, с. 57.

¹⁰ Там же, с. 119.

¹¹ Там же, с. 101.

¹² Там же.

¹³ [Лёвшин В. А.] Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях..., ч. 6, с. 73.

о греческом Геркулесе»¹⁴ В повести Левшина об этом говорится весьма сходным образом «Стеркатер особенно прославился в войне, которую вел готфский король Ринго против коданского короля Оралда с пролитием с обеих сторон многой крови. Во оной войне был он со стороны готфов, но не взирая на то, победа досталась недешево < > Кажется, что северные народы почти тают сего Исполина своим Ираклом, что отдают почти божескую честь его славе»¹⁵

Гольберг писал об обычаях древних скандинавов: «Главнейшая их добродетель состояла в том, чтобы умирать с обнаженным мечом в руках против неприятеля; чего ради многие из них скучившись жизнью, и невидев никакова случая, чтоб принести ее на жертву за свое отечество, прашивали своих друзей чтоб они их убили, дабы им не умереть поносным образом на постеле Славныи Штерк Оддер изъясняется о том у Саксона сими словами не уж ли я, которой весь свет потряс поражением, умру спокойною смертию?»¹⁶ У Левшина Стеркатер ведет себя аналогичным образом. «Я побежден, — вскричал он < > со стенанием — Я не хочу, чтоб возымел я последний стыд умереть естественною смертию»; а сам повествователь прибавляет «Древние Готфские богатыри и прочие витязи вменяли себе в великой стыд умереть естественною смертию, или в болезни; для чего предупреждали сие, повелевая оруженосцам своим убивать себя».¹⁷

В А. Левшин, сочиняя «Повесть о Исполине Стеркатере», пытался создать национальный русский сказочный сюжет. При этом он действовал в духе своего времени составленная им авантюрная фабула эклектически соединяет элементы волшебной сказки и героического эпоса, былины и так называемой романтической саги, т е рыцарского романа, выросшего на скандинавской национально-исторической почве и впитавшего литературные традиции родовой саги со свойственной ей эпической идеализацией богатырей-викингов и концентрацией действия вокруг трагической гибели доблестного героя от руки сильнейшего противника¹⁸

¹⁴ История Датская, сочиненная господином Голбергом , ч I, с 111

¹⁵ [Левшин В А] Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях , ч 6, с 81—82

¹⁶ История Датская, сочиненная господином Голбергом , ч II, с 2 — «Сие происходило отчасти от прежде описанной их веры, а отчасти от похвалительных пиитических песен и других награждений за храбрость» (там же, с 2—3), на что Я Козельский заметил «Из сего ясно видеть можно, какая тогда грубость и невежество были в датчанах, так что они не знали никакого другого состояния в общем житии человеческом, как только одно военное» (там же, с 3)

¹⁷ [Левшин В А] Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях , ч 6, с 82—83

¹⁸ См. Стеблин-Каменский М И Исландская литература Л, 1947, с 24

В двух сказочных повестях Лёвшина, связанных единством действия, — «О коне Златокопыте и мече Самосеке» и «О Исполине Стеркатере» — говорится о похождениях славного русского богатыря Звенислава в «землях ливонов, вендских готов, кимвров и коданов». Проехав большую часть «областей готфских», богатырь прослышал «о Исполине Стеркатере, и сие вперило непреодолимую охоту в нашего богатыря искать оного и с ним сразиться».¹⁹ Не тщеславие рыцаря, но чувство патриотического долга обуревают русского богатыря. «Звенислав <...> вспомнил о слышанном нападении сего Исполипа на одного русского государя; отместить хотя старинную обиду своего отечества было для него весьма приятно».²⁰

В описании внешности Стеркатера, а также подвигов, совершенных им до роковой для него встречи со Звениславом, особенно сказались непоследовательность и эклектизм Лёвшина: образ скандинавского исполина двойтся. С одной стороны, это варяг-разбойник и завоеватель, варвар и дикарь. «Стеркатер имел рост, подобный высокому дубу, и вооружен был мечем, сходствующим более за длинную доску, чем за оружие».²¹ Обитал он «по большей части под открытым небом» и имел обыкновение выходить «на чистое поле», садился «на холме противу воющего самого холодного ветра и снега, вздуваемого метелью», раздевался «до нага, равно как бы было то весною, или летом, и очищал белье свое от насекомых».²² Он «с флотом готфским ходил на славян русских» и «возвратился с знатною добычею сухим путем; но сия победа была выгодна только одному ему; ибо все готфы побиты от храбрых русов и корабли их сожжены».²³

Но тут же выясняется, что, несмотря на все это, Стеркатер — благородный и достойный Звенислава соперник, а некоторые его подвиги (уничтожение чудовища, имевшего «девять голов и стан львиный» и выходившего из моря «для пожирания людей и стад»; убийство тирана, «дерзостнейшим образом насильствовавшего знаменитых жен пред очами их супругов») приличествуют эпическому герою. Со Звениславом Стеркатер куртуазно любезен и обходителен, но российский богатырь оказывается и сильнее, и благороднее: «Стеркатер заревел страшным голосом и столько озлился, что, бросаясь на Звенислава, хотел задавить оного; но богатырь упредил сие вторым ударом обуха Самосека и сбил Стеркатера с ног. Соверша сию победу, не думал он покуситься на жизнь низложенного, а для того влагал меч свой в ножны».²⁴

¹⁹ [Лёвшин В. А.] Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях. . . , ч. 6, с. 63.

²⁰ Там же, с. 66.

²¹ Там же, с. 67.

²² Там же, с. 78.

²³ Там же, с. 74.

²⁴ Там же, с. 69.

Так в русской литературе обрисовался образ варяга-викинга — за несколько лет до появления в переводе Ф. Моисенкова (1787) «Введения в Историю Датскую» Поля-Анри Малле,²⁵ за десятилетие до того, как русские стихотворцы (Н. А. Львов, И. Ф. Богданович, П. Ю. Львов и др.) стали перелагать скальдические поэмы («Песнь Гаральда Смелого», «Смертную песнь Рагнара Лодброка» и т. п.).

Сказка Лёвшипа «О Исполине Стеркатере» послужила, как нам представляется, одним из литературных источников поэмы А. Н. Радищева «Песни, петье на состязаниях в честь древним славянским божествам» (1800—1802), где нарисована эпическая картина битвы древних россиян с «кельтами»-варягами. Ими предводительствует «лютый» и «суровый» Ингвар:

Высок, дебел и смугл, а очи малы...
Рука его была как ветвь престола
И суковата ветвь огромна дуба;
Увесиста, широка длань.
Был глас его подобен
Рычанию вола свирепа...²⁶

Радищев преодолел эклектизм Лёвшина: в радищевском изображении предводитель варягов, некогда растоптавших славянскую вольность и погубивших республиканский Новгород, однозначно отрицателен. Ингвар и внешностью, и повадками, и «диким и суровым гласом», и вооружением не случайно напоминает Стеркатера. Этот последний — полубог, нечто вроде северного Геракла. Екатерина II в своем «Историческом представлении о Рюрике» (1787) выводила происхождение первых российских самодержцев «от рода Одина, которого Север обожает, и сына его Ингвара».²⁷ Сын верховного скандинавского божества и прародитель русской монархической династии представлен у Радищева палачом России. Радищев, возвеличивая вслед за Ломоносовым героические подвиги изначально вольных россиян и оспаривая норманистов монархического направления, опирался на отечественные литературно-сказочные традиции.

²⁵ С этой книгой (Mallet P.-A. Introduction à l'Histoire du Danemarck, vol. 1—2. Copenhagen, 1755—1756) образованные русские читатели были знакомы и до Моисенкова, но у Малле интересующий нас сюжет не развит.

²⁶ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 1. М.—Л., 1938, с. 64—65.

²⁷ Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей с объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина, т. II. СПб., 1901, с. 243.